

Магомед Кадирбеков – прозаик и драматург, член Союза писателей и журналистов России. Родился в Дагестане, окончил Литературный институт, публиковался в различных журналах, газетах Москвы, Дагестана, Калмыкии, автор четырех книг рассказов: «Цепная реакция», «Оттенки бытия», «Время уходит», «Душа болит».

Магомед КАДИРБЕКОВ

РАССКАЗЫ из сборника «Душа болит»

Я вижу

Я вижу! Странно, конечно, звучат эти слова из уст человека, которому сделали шесть операций на глаза. Сильно был бы удивлен врач, выведивший своей ручкой на моей выписке: «Миопия высокой степени, дистрофия сетчатки, искусственный хрусталик...» Но я не об этом. Я совершенно о другом. Я вижу сны! Не надо смеяться! Я догадываюсь, что вы их тоже видите. Но я вижу сны, которые сбываются! Что? Вы их тоже видите? Допускаю. У меня был друг, который видел сны с продолжением. Ну, как сериалы! И ко всему прочему, сны у него были цветные. Не знаю, шутить по этому поводу или нет. Я современный человек, читающий книги, имеющий компьютер, смартфон, телевизор, уши и глаза. Иногда мне кажется, что человек – это высокоинтеллектуальное существо, по праву занимающее высокое положение среди живых организмов на нашей планете. А иногда мне видится, что человек – это ребенок с заряженным пистолетом в руках. И наблюдая нашу жизнь, я всё больше и больше склоняюсь ко второму. Ну да бог с ним, с человечеством. Тут бы с собой разобраться. Должен сказать, что никакого графика или какого-то порядка в этом деле нет. Сон может присниться вчера, а сбываться через неделю, месяц или даже через год. Сны снятся мне редко, но все они сбываются. И это меня не очень радует! Многие, в том числе и врачи, говорят, что всё это чушь, мол, так не бывает! Живу я не в лесу и не на острове, и даже не в горах, как может кто-то подумать! Короче, себе, своим глазам, своему мозгу, своим ощущениям я верю больше, чем вам! Зачем я всё это говорю? А черт его знает! Может быть, потому что человек все-таки существо коллективное, и ему, то есть в данном случае мне, хочется поделиться с людьми своими наблюдениями. Или мне хочется найти людей, похожих на себя? А может быть... А впрочем, судите сами, на то вам и голова дадена...

Начало

Не знаю, когда всё это началось. Возможно, в детстве. Во всяком случае, когда друзья рассказывали о своих снах, я отмалчивался, потому что мне очень

редко снились сны. И по содержанию они были какие-то скучные: куда-то пошел, кого-то встретил. А у пацанов: стрельба, погони, аллигаторы, разбойники, фашисты. Некоторые так красиво рассказывали, заслушаешься! Русику даже снились цветные сны с продолжением, как сериалы. А мне раз приснилось, что я нашел двадцать копеек, когда перепрыгивал через ручеек. Через две недели я и вправду нашел двадцать копеек на том самом месте, которое видел во сне.

В нашу новую школу мы ходили через речку. Раньше там не было моста, мы все – и учителя, и ученики переходили речку по огромному ореховому дереву, которое выполняло роль моста. Когда я спрыгнул с него, под ногами что-то блеснуло. Нагнулся, а там двадцать копеек. Поднял их и понес в школу. Меня в семье учили чужое не брать, поэтому я протянул монету первому попавшемуся на глаза учителю. Это был наш физрук. Я объяснил ему, что, мол, так и так, нашел. «Может, вы найдете, кто потерял?»

Физрук как-то странно на меня посмотрел и спросил: «Ты дурак или прикидываешься?» Я не прикидывался, да и дураком вроде бы не был. Рассказал обо всем этом друзьям. Они меня подняли на смех и потом стали дразнить пророком: «Ах, пришел наш пророк, не подскажите ли вы, сударь, будет завтра контрольная по физике али нет?» Умели мои друзья издеваться. На двадцать копеек мы купили на всех конфет. А я перестал рассказывать, что мне снилось.

Однажды приснилось, что мы с пацанами убегаем от какого-то мужика. Сначала он гнался за нами на лошади, потом спрыгнул с лошади и с криком, размахивая ружьем, погнался к забору, сделанному из прутьев. Забор был высокий, но мы его мигом перепрыгнули, и в это время раздался выстрел. Мы уже на той стороне, рассыпая яблоки, разбежались в разные стороны.

У нас в селе только один человек ездил на лошади с ружьем. Это сторож, который охранял сад с элитными яблоками. Дядька был злой, и ружье у него было заряжено солью. Мы с пацанами через неделю-другую собирались обчистить сад, который он охранял. Сначала я хотел рассказать о сне ребятам, потом передумал. Мои друзья меня бы высмеяли, а потом обвинили в трусости. А мне этого не хотелось. Что угодно, только не трус! В общем, прошло дней десять, кто-то предложил залезть в сад за яблоками. Попробуй откажись, когда на тебя смотрят пять пар глаз. Когда мы залезли в сад и начали обрывать яблоки, я понял, что сегодня в нас будут стрелять. Я заявил об этом вслух. Осман, стоявший рядом, сказал: «Не трусь, дядя Маджид в это время ездит на обед». Только он проговорил, в дальнем углу сада появилась лошадь с всадником.

Я крикнул: «Бежим!» Все кинулись к забору. Когда мы уже были на той стороне, раздался выстрел. Дядя Маджид стрелял скорее в воздух. Все знали, что он лучший стрелок в районе. Когда немного успокоились, Осман подошел ко мне и спросил:

- Ты знал, что в нас будут стрелять?
- Еще две недели назад!
- Две недели назад мы даже не заикались о яблоках.
- А мне уже приснился сон об этом.
- А что нам не сказал?
- Чтобы вы надо мной две недели ржали?
- Тоже верно!

Осман был моим двоюродным братом и одноклассником одновременно. И мне кажется, он оказался первым человеком, который поверил в то, что я рассказывал. Сейчас мне много лет, я не могу вспомнить всё, что было в детстве.

Рыбалка

Этот сон приснился мне классе в восьмом. Мы уже жили в Калмыкии. Друг Витька уговорил меня идти пешком на зимнюю рыбалку, километров за шесть от села. Я никогда не был на зимней рыбалке. Холодов сильных уже не наблюдалось, и Витька так убедительно махал руками, что я согласился. Дошли мы до озера за болтовней быстро. Лунок насверленных оказалось море, и мы, переходя от одной лунки к другой, наловили десятка два карасей. Единственное, что меня пугало, лед временами трещал. Но друг сказал, что это «фигня». Когда выходили на берег, Витя проскочил спокойно, а подо мной лед треснул, и я провалился по шею. Видно, по весу я был тяжелее, чем друг. Страха особого не испытал, да и Витька быстро сообразил протянуть мне доску, которых на берегу валялось много.

Сон мне приснился еще осенью. И к тому времени, когда Витя стал уговаривать меня пойти с ним на зимнюю рыбалку, я про него совсем забыл. Вот эта моя забывчивость и помогла другу вытащить меня на улицу. Всё было хорошо. После того как я вытащил пятого карася, я вспомнил сон. Сначала появился страх, потом азарт рыбалки и наше вечное «авось» прогнали его. Когда шли к берегу, я провалился по шею. Выбравшись на берег, мы с Витей начали разводить костер. Хорошо, что дров на берегу валялось много и спички у запасливого друга оказались с собой. Немного подсохнув, мы пошли домой. И что удивительно, после такого купания мы с другом даже не чихнули...

Гол

Футбол! Не знаю, как сейчас, но когда я учился в школе, футболом интересовались даже наши бабушки. Мы играли класс на класс, улица на улицу, село на село. На поле можно было увидеть и первоклашек, и их дедушек. Где-то к классу девятому у нас сложилась неплохая футбольная команда. Наш класс два года подряд обыгрывал остальные классы. Через месяц должен был состояться чемпионат школы, и мы усиленно после уроков тренировались.

Наверное, поэтому сон был про футбол. Наш девятый «а» играл против девятого «б». Играли неплохо, счет был 1:1. Судя по всему, наши противники за лето подтянулись, и с ними стало трудно играть. Но вдруг я оказался около ворот, и Колька Петров навесил мне красивый мяч. Я, не разворачиваясь лицом к воротам, в прыжке ударил мяч, и он как пушечное ядро влетел в ворота «башею».

Такое бывает раз в жизни. Что тут началось! Меня чуть не задушили одноклассники. Крики «ура» звучали на стадионе минут пять. Наши противники не успели отыграться, прозвучал свисток конца игры. Когда я очнулся, меня распирало от гордости! Проснувшись окончательно и поняв, что это все-таки сон, я ощутил, что радости немного поубавилось. Но какой гол, какой гол!

Про то, что мои сны сбываются, в классе никто не знал. Я не хотел, чтобы меня здесь тоже дразнили пророком. Стопроцентной уверенности, что этот сон сбудется, у меня, конечно же, не было. Но когда через месяц мы играли с девятым «б» и я увидел, что Коля подбегает к мячу, я понял: вот он, мой звездный час! Одноклассник красиво навесил мяч, я подпрыгнул и, вложив всю силу в удар, отправил мяч через себя в ворота. Стадион кричал минут пять. Я был так горд этим ударом, что помню его даже сейчас, когда мне уже под шестьдесят. Тогда не было камер, смартфонов и прочей другой аппаратуры, которая могла бы запечатлеть тот удар. А жаль!..

Маркиза

Ох уж эта Мурка! Ну сколько можно стучать по ноге? У моей кошки интересней характер. Она никогда или почти никогда не мяукает. Если ей что-то от

меня нужно, Мурка просто подходит и мягко лапкой стучит по ноге, смотрит в глаза, мол, ты что, идиот, не понимаешь, что меня нужно выпускать на улицу?..

Вот и сейчас она стучала и стучала по ноге, но не мяукала. Интересно, подать голос она считает ниже своего достоинства или как?

В последнее время мне начало казаться, что Мурка относится ко мне как-то высокомерно. Возможно, в прошлой жизни она была какой-нибудь Маркизой. А что, вполне могла! У нее такой взгляд! Ну ладно, черт бы ее побрал. Откидываю одеяло, встаю выпускать эту маркизу.

Открываю глаза. Здрате! А где же Мурка? Обошел все комнаты, заглянул на кухню, посмотрел в ванной, нигде ее нет. Но я явственно чувствовал, как она стучала по моей ноге. Странно. Приснится же такое...

Еще больше был удивлен, когда открыл утром входную дверь. Около порога в моем шлепанце копошились три малюсеньких котенка. Судя по всему, Мурка родила их в то время, когда я искал ее по комнатам. Смешно! Мурка – телепат. Господи, до чего могут довести эти идиотские телепередачи.

Казах

*Братьям Буде, Джамбе и Петру Надвидовым
и многим другим, попавшим в жернова истории.*

Старый Ерден пас коз недалеко от станции. Правда, непонятно было, кто кого пас. Эти чертовы создания притащили его сюда сами. В степи нечего было есть. Здесь же, около рельсов, росли какие-то кустарники. С солнечной стороны складов попадалась пожухшая, пропитанная маслом трава. Как это можно есть, старик не представлял! Но его пять худющих коз как-то ели. Вот раньше была трава... Ерден усмехнулся про себя. «Раньше я тоже был богатырем! А теперь дряхлый больной старик, который не может угнаться за полудохлыми козами. Что поделаешь, когда родители выбирали имя новорожденному, не думали, что он может состариться. Да, может быть, я бы выглядел еще ничего, если бы оба моих сына, Ержан и Рашид, не погибли с разницей в три месяца. Мои предки говорили, что имя, данное новорожденному, ведет его по жизни. Не знаю... Может быть, имя Ержан, которое переводится как храбрый, отважный, и соответствовало характеру сына. Мой Ержан погиб, прикрывая подбитый самолет друга своим самолетом. Но имя моего младшего сына – Рашид переводится как благоразумный. Где же был его разум, когда он таранил этот чертов немецкий самолет?! Куда делось его благоразумие, когда он оставлял сиротами двух стариков? После его смерти моя Карлыгаш совсем слегла. Казах во все времена ходил по земле, пас скот! Зачем оба моих сына ушли в небо? Хотя о чем я болтаю, как будто на земле мало убитых сыновей. А дети мои рвались в небо, наверное, потому что мать у них – ласточка. Имя моей Карлыгаш означает – ласточка...»

После смерти сыновей старик стал разговаривать сам с собой. Сегодня он совсем разошелся, размахивал руками, повышал голос, напрочь забыв про своих «чертей». А козы были уже далеко. Они паслись под вагонами, загнанными в тупик на краю станции. Про эти вагоны люди рассказывали много нехорошего. И все старались держаться от них в стороне. Поэтому Ерден поспешил угнать подальше от теплушек своих коз. Четырех он выгнал за рельсы довольно быстро. Пятая же, самая сволочная, с обломанным рогом, с потрепанной бородашкой и противным голоском, делала вид, что крики старика ее не касаются.

Ерден разозлился, подобрал палку и полез под вагон, чтобы заставить эту козу уважать себя. Пройдя до середины вагона, он услышал над головой мел-

кие шаги. Судя по всему, шаги были детские. Ерден, забыв о своей обидчице, кинулся к дверям вагона, с трудом их приоткрыл и остановился, разинув рот. В середине вагона стояла металлическая печка-буржуйка, вокруг неё, взявшись за руки, ходили два мальчика. Старшему было лет восемь-девять, младшему лет пять. Старик с трудом забрался в вагон, подошел к детям, потрогал буржуйку, она была холодной.

– Вы откуда здесь? – спросил он на ломаном русском.

Мальчик заговорил на калмыцком языке. Ерден знал десяток калмыцких слов, но для расспросов их было мало. Поэтому он сказал на калмыцком: «Сян болх (всё будет хорошо)». Старик сам догадался обо всем. Вчера на этой станции спецпереселенцев из Калмыкии пересаживали в другие вагоны для отправки куда-то за Урал. А вагоны, в которых их привезли сюда, загнали в тупик. У детей, видно, не было родственников, вот их в спешке и забыли. Старик оказался прав. Заян, старший из мальчиков, рассказал, когда немного начал говорить на казахском, как всё было на самом деле. Когда в хотон приехали большие грузовики, чтобы везти всех на вокзал, Заян с младшим братом Отхоном уже были сиротами. Отец погиб в первые месяцы войны. Мать умерла через три месяца от какой-то болезни. Жили они с бабушкой. Бабушка не понимала по-русски. И когда всех погрузили в машины, у них почти не оказалось теплой одежды. В вагоне, чтобы как-то согреть внуков, бабушка укрывала их своим платком. Недалеко от станции она умерла. Ее отнесли в какой-то специальный вагон. Дети сначала плакали, а потом уснули. А когда проснулись, уже никого не было. Отхон начал плакать, что холодно. Заян хотел затопить буржуйку, но не нашел спичек. Чтобы успокоить братишку, стали ходить вокруг печки. В это время старик их и услышал...

Когда старик привел двух детей домой, старая Карлыгаш вскочила с лжанки, кинулась к детям и заголосила:

– Бог вернул нам наших детей. Я же говорила, что он не прав, забрав обоих наших мальчиков. Где ты их нашел? – Выслушав ответ, она сказала: – Мы назовем их именами наших детей. И всем скажем, что это наши внуки!

– Какие внуки?! – возразил старик. – Все знают, что наши дети не были женаты.

– Тогда скажем, что родственники из Бурятии. Ерден, сделай что-нибудь. Я не хочу их никому отдавать. Их ведь никто не заберет?

Волнения Карлыгаш оказались напрасными. В то время, когда люди пропадали десятками и сотнями, судьба двух мальчиков государству была безразлична.

На следующий день она заставила мужа зарезать козу. Ерден сделал это без особого сожаления, настолько эта безрогая замучила его своими выходками. Половину мяса раздали соседям, с помощью другой за месяц старушка сумела придать божеский вид двум худющим малышам. Старик, глядя на нее, удивлялся, его ли эта жена. Карлыгаш бежала доить коз, потом готовила еду, стирала, шила какие-то вещи, между делом учила детей казахскому языку. Впервые после смерти второго сына она начала улыбаться. Она действительно была похожа на ласточку, стремительная, добрая и какая-то светлая. Ержан мало верил в Бога, но, может быть, и вправду он их свел с малышами!

Потихоньку боль стариков за погибших в истребительном полку сыновей стала притупляться. Да и малыши начали улыбаться, помогать по хозяйству. Старики называли детей Ержаном и Рашидом. Сначала называли их так, боясь, что власти узнают и заберут малышей. Потом как-то привыкли. Так Заян и Отхон стали Ержаном и Рашидом.

Однажды, когда все вместе собрались около печки, старик, посмеиваясь, заговорил с Отхоном:

– Отхон, твое имя на калмыцком, кажется, переводится как сирота. Теперь ты не сирота. Моя Карлыгаш будет тебе и мамой, и бабушкой. А твое новое имя Рашид означает «благоразумный». Так что тебе придется приглядывать за моей женой, потому что она думает больше сердцем, чем разумом. Будешь приглядывать?

Малыш, хоть и не очень понял, о чем речь, уверенно кивнул. Все рассмеялись. Карлыгаш шутливо замахнулась на мужа кочергой:

– Интересно, где бы ты был сейчас без моего сердца?

– Может быть, ты и права, дорогая, – став сразу серьезным, ответил старик. Через некоторое время он обратился к Заяну: – Заян, ты не обижайся, что мы называем вас другими именами. Это ради вашего блага. Мы не хотим, чтобы вас забрали. Мы не требуем, чтобы вы забыли свою семью, свой народ. Сейчас идет война, все сходят с ума. Когда всё наладится, мы будем называть вас, как вы захотите. Мы теперь ваша семья! У вас же нет больше родственников?

– Был у нас дядя. Мама говорила, что его вместе с отцом на войну забрали. Когда мама умерла, на ее похоронах кто-то из соседей говорил, что его убили немцы. Я точно не знаю, – ответил Заян.

– Заян, твое имя переводится как судьба! – сказал старик. – Я не очень верю проповедям мул, попов и гелюнгов, но, может быть, то, что с нами случилось, это судьба. Не знаю... Я просто хочу, чтобы ты понял, что вы с братом сейчас самые близкие нам люди. И надеюсь, что так будет всегда...

Наступила весна. Где-то шла война. О ней напоминали сводки информбюро и похоронки, которые разносила грустная почтальонка. Но, несмотря ни на что, жизнь продолжалась. Зазеленела степь, солнышко потихоньку прогрело землю. У коз появились козлята. Они так уморительно носились целыми днями, что даже старый Ерден невольно улыбался.

Ержан и Рашид уже сносно разговаривали на казахском. Они подружились с соседскими мальчишками и теперь не чувствовали себя одинокими. Дома братья во всем помогали старикам. Карлыгаш не могла нарадоваться на детей. С тех пор как старик привел в дом малышей, она ни разу не пожаловалась на болезни. Она как будто бы помолодела.

Единственное, что не нравилось Ердену, она стала больше молиться. Старик догадывался, о чем просит Бога его ласточка. И поэтому молча уходил, когда Карлыгаш начинала бить поклоны.

Рашид больше тянулся к бабушке. Помогал ей распутывать шерсть, вдевал нитки в иголки. Выполнял посильные поручения. Карлыгаш ни на минуту не оставляла его одного. Они вместе ходили в гости, на станцию, чтобы купить какие-то продукты. Иногда они отправлялись в степь собирать травы.

Ержан больше времени проводил со стариком. Они возились с козами, топили печку, собирали дрова, кизяк. Косили траву для коз. Ремонтировали заборчики. Но кроме этого у них обнаружилась одна общая страсть. Однажды вечером Ерден полез куда-то за шкаф и достал оттуда запыленную домбру. Увидев загоревшиеся глаза Ержана, он спросил:

– Ты умеешь играть на домбре?

– Немного. Мама меня учила. Правда, у нас было три струны, и форму инструмент имел другую.

– Это ничего не меняет. Неважно, две струны, три или пять! Неважно, круглый инструмент, квадратный или треугольный! Неважно, калмык, казах или кто-то другой на нем играет. Важно, чтобы у человека была душа. Когда на второго нашего сына принесли похоронку, моя душа умерла. И я перестал играть на домбре. Теперь, благодаря вам, она ожила и хочет спеть для вас песню.

Старик бережно стер пыль с домбры и начал играть. Домбра плакала и смеялась, убеждала и сомневалась, просила и обещала. Ержан слушал открыв

рот, Карлыгаш, отвернувшись к печке, плакала, Рашид, прижавшись к ней, молча смотрел на огонь. Наглый рыжий кот, который не мог усидеть ни минуты, вдруг притих, прижавшись к ногам старушки. Даже мыши, шуршащие под досками, и одинокий сверчок за печкой притихли, как будто понимая, о чем говорила душа старика. Когда утихла музыка, Заян дал себе слово научиться играть так, как играет дедушка.

Закончилось лето. Наступил сентябрь. Старик, пошептавшись со своей Карлыгаш, пошел в школу. Пришел оттуда довольный и сказал Заяну:

– Заян, ты теперь Касымов Ержан, внук моего родственника из Бурятии. Он якобы умер, а я вас с братом взял на воспитание. Завтра пойдешь в школу, в третий класс.

Услышав это, Отхон заплакал:

– Я тоже хочу в школу!

Кое-как совместными усилиями его успокоили, объяснив, что он еще мал, да и бабушке нужно помогать.

Прошел сентябрь, октябрь, наступила зима. Конечно, летом было веселее. Но и зимой тоже стало не скучно. Ержан утром помогал кормить коз, топить печку, потом шел в школу. Сразу после школы, пообедав, они с Рашидом и друзьями бежали кататься на санках. Потом ужинали. Ержан делал уроки. И после этого старик с Ержаном по очереди играли на домбре.

Однажды вечером старая Карлыгаш попросила мужа подыграть ей на инструменте. Заян очень часто вспоминал эту песню, в которой радость рожденья и горечь утраты переплелись между собой. Голос то поднимался в крик, то опускался до шепота. По лицу Карлыгаш текли слезы. Она пела о своих сыновьях, погибших на лету, как настоящие птицы!

К весне мальчик уже довольно хорошо играл на домбре. Конечно, до старика ему было еще далеко, но Ерден говорил своей жене, что этот мальчик превзойдет своего учителя. В мае сорок пятого хрипкое радио голосом Левитана объявило о победе. В село стали возвращаться мужчины. У людей разгладились лица, смех уже не считался чем-то запретным. Наступивший мир был долгожданным и для семьи старого Ердена. Но особых изменений он не принес. Детей, которых забрала война, никто не вернет.

Слава Богу, судьба привела к ним этих двух малышек, радовался старик. Вся жизнь, все мысли теперь крутились вокруг детей. Рашид тоже пошел в школу. Старики души не чаяли в малышках. Ерден старался это сильно не показывать, а Карлыгаш и не скрывала. Дети отвечали взаимностью. Они росли добрыми и смысленными. Карлыгаш втайне от старика уже приглядывала Ержану невесту.

«Ну а что! – размышляла она. – Вроде бы он вчера к нам пришел, девятилетним пацаном, а сейчас ему уже четырнадцать...»

Когда к ним во двор вошел худой, усталый, но не старый еще калмык, старик понял, что радость, поселившаяся в этом доме, скоро может уйти.

Мужчина подошел к Ердену и заговорил на русском:

– Отец, я дядя Заяна и Отхона.

– Я не умею врать. Но твое появление может убить мою жену.

– Я всё понимаю! Но пойми и ты меня. Эти дети – последние мужчины в нашем роду. Я дал слово их отцу, что буду о них заботиться.

– Ержан, вернее, Заян, говорил, что тебя убили на фронте.

– Да почти убили, полтора года по госпиталям мотало. Когда очухался, похоронку уже успели отправить родным. Пока нашел, с кем они ехали, пока выпросил разрешение на поездку, прошло столько времени. Хорошо хоть наш комендант оказался фронтовиком. Понял меня и помог к вам добраться.

– Как тебя зовут?

– Баатр.

– Оказывается, мы с тобой тезки. Мое имя тоже переводится как богатырь. Правда, какие-то мы с тобой ненастоящие богатыри.

– Ничего, отец, зато мы духом крепки!

– Как вам в Сибири хоть живется?

– Сначала было тяжело. Про нас власти людям такое наговорили! Но сибиряки быстро разобрались, кто есть кто. Я думаю, наш народ всегда будет благодарен людям, помогавшим нам выжить.

– А ты чем там занимаешься? Кем работаешь?

– Столярничаю в колхозе. Отец, я понимаю, что ты хочешь сказать! Конечно, у вас им легче живется. Они к вам привыкли. И вы к ним привязались! Но поставь себя на мое место! Я не возражаю, вы будете для них бабушкой и дедушкой. Мы будем приезжать к вам в гости.

– Хорошо! Но у меня, Баатр, к тебе просьба. Ты оставишь их у нас еще на год. За это время ты создашь им у себя нормальные условия для жизни. А я подготовлю свою жену и детей к тому, что им придется расстаться.

– Согласен, отец! Я их пять лет искал, подожду еще год. Я могу хотя бы издалека увидеть своих племянников?

– Да, конечно. Они тут недалеко в футбол играют.

Когда они подошли к полю, игра была в самом разгаре.

– Вон в воротах стоит Рашид, вернее, Отхон, а Заян вон тот, который с мячом, – сказал старик.

– Как они вымахали! Когда я уходил на фронт, они были совсем маленькими! Спасибо тебе, отец. Мы у тебя в неоплатном долгу.

– Слушай, как Отхон переводится?

– Младший. Иногда переводят как сирота. Но точный перевод младший.

– Вот и не верь после этого в значение имен.

– О чем ты говоришь, отец?

– Да так, ничего. Это я о своем...

Так тяжело Ердену еще не было! Пошла уже третья неделя, как уехал неожиданный гость, а он всё никак не решался заговорить с женой. Он боялся, что эта новость ее убьет! Его Карлыгаш и дети так сдружились, что иногда, глядя на их отношения со стороны, старик вытирал наворачивающиеся слезы. Порою Ердену казалось, что со своими детьми его ласточка была гораздо строже. Прошел месяц, еще один и еще один... Однажды, когда дети были в школе, Карлыгаш обратилась к мужу:

– Ерден, что с тобой происходит? Я вот уже три месяца наблюдаю за тобой, ты какой-то сам не свой. Ты не заболел?

– Да нет, родная, не заболел. Я просто не знаю, как сообщить тебе одну новость.

– Какую?

– У наших детей нашелся дядя.

– Я никому их не отдам!

– Я тебя понимаю, Карлыгаш! Но по всем законам: и по людским, и по божьим, нам придется их отдать.

– Нет! За что Бог уже дважды отнимает у меня детей? Я в жизни никому ничего плохого не делала!

– Ты не права! Бог, если он есть, на пять лет вернул тебе твоих сыновей.

Во время разговора в комнату ворвался радостный, возбужденный Заян и с порога затараторил:

– Ата (дедушка), аже (бабушка), Алима Галимовна сказала, что обязательно отправит меня на музыкальный конкурс в Алма-Ату. Я ваши две пес-

ни собрал в одну и назвал ее песней богатыря и ласточки. Когда я ее сыграл, девчонки из класса и Алима Галимовна плакали! Здорово, да? – Увидев серьезные лица стариков, он спросил: – Вы что, болеете? Сделать что-нибудь?

– Нет, ничего не надо. Бабушка немного приболела. Мы, Заян, очень рады за тебя. А когда ты успел переделать песню? Ты же ее дома не играл.

– Я в школе задерживался. Хотел сделать вам подарок.

– Сыграешь нам вечером?

– Конечно! Можно, я на футбол, пацаны ждут?

– Беги...

Когда Заян ушел, Карлыгаш со слезами обратилась к мужу:

– Ну как их отдавать?

– Карлыгаш, я их люблю не меньше твоего! Не рви мне душу! Но вопрос решен! Через девять месяцев за ними приедет их дядя.

– Не отдам!!!

Время такая штука: когда хочешь его задержать, оно бежит еще быстрее. Старик всё откладывал разговор с детьми о том, что их дядя жив и что скоро он за ними приедет. Но тянуть уже было нельзя! Вечером, когда Заян и Отхон пришли из школы, он им всё рассказал. У детей был такой же шок, как и у Карлыгаш. Ерден понимал, как тяжело сделать детям выбор, особенно Отхону. Он потихоньку начал их подготавливать к расставанию. Порою ему хотелось плюнуть на всё и сказать: «Не отдам!» Но совесть призывала к другому, и он опять беседовал с детьми. Карлыгаш не принимала участия в этих разговорах, но особо и не мешала.

Летом, когда все были дома, к калитке подъехала подвода. В ней сидел возчик и дядя Заяна и Отхона. Баатр зашел в дом и поздоровался со всеми. Ерден пригласил его за стол, налил чая и спросил:

– Когда поезд?

– Через три часа.

– Карлыгаш, собери детей, – попросил старик жену.

Больше получаса Карлыгаш как во сне собирала детские вещи. Когда уже почти всё было собрано, она кинулась к детям и закричала: «Не отдам!» Старика с трудом удалось ее успокоить и отвести в соседнюю комнату. Выйдя из комнаты, он, немного постояв в раздумье, накинул на двери крючок. Потом, сняв со стены домбру, сказал Заяну:

– Возьми это себе. Мы всегда будем рядом с вами. Пойдемте, я вас провожу.

Когда подвода отъехала метров на сто, из дома выскочила Карлыгаш и с криками: «Не отдам, верните мне моих детей!» кинулась за подвой. Пробежав десяток метров, споткнулась и упала на землю. Она пыталась встать, вырывая раскинутыми руками степную траву. Со стороны казалось, что раненая птица хочет, помогая крыльями, оторваться от земли...

В доме Ердена поселилась грусть. Карлыгаш редко вставала с постели, потеряв интерес к жизни. Что особенно пугало старика, это то, что она перестала молиться. Ерден хоть и не верил в Бога, но понимал, что у человека должна быть вера во что-то, иначе какой смысл в жизни.

Говорят, добрая весть лечит. Правы оказались мудрецы. От Заяна пришло письмо, старик прочитал его вслух жене. «Здравствуйте, дорогие ата и аже. У нас всё хорошо. Мы учимся, дядя работает в колхозе. Здесь красиво, кругом леса, озера. Недавно я выступал в клубе, пел песню “Богатырь и ласточка”, в зале многие плакали. Меня здесь дразнят казахом. Наверное, потому что я часто играю на домбре казахские песни. Но я не обижаюсь, пусть называют. Тут много калмыков и русских, мы учим оба языка. А с Отхоном мы часто раз-

говариваем на казахском, чтобы не забыть язык. Дядя обещал отвезти нас к вам в гости. Аже, как вы себя чувствуете? Мы тоже по вам очень скучаем. Как там наши друзья, передавайте им привет».

Как порою мало надо человеку. Карлыгаш, услышав добрые слова от своих любимцев, через два дня стала ходить. Старый, неверующий Ерден шепотом, чтобы не услышала жена, благодарил Бога за свою Карлыгаш: «Ты не обижайся на нее. Она с горя не понимает, что делает. Дай ей здоровья...»

То ли Бог услышал, то ли душа у Карлыгаш ожила, она встала с постели. Стала управляться по дому. Временами приходили письма от Заяна и Отхона, они уже стали совсем взрослыми.

В 1957 году калмыкам разрешили вернуться на родину. Баатр с племянниками отправились в Калмыкию. Устроились на работу. Заян работал вместе с дядей в столярной мастерской, Отхон шоферил. Жизнь налаживалась. Заян временами продолжал писать в Казахстан. Но ответа оттуда не было.

Братья почти в один год женились. У Заяна родился сын, у Отхона – дочь. Их назвали Ерденем и Карлыгаш. Потом родились еще дети, потом внуки. Все они знали историю о богатыре и ласточке. Казалось бы, вот оно, счастье! Но почему-то Заян всё чаще и чаще играл на домбре грустные песни. Соседи, услышав мелодию, говорили: «Наш казах опять загрустил!»

Жизнь – сложная штука. Порою мы не понимаем, как сильно нас любят близкие. Став стариком, Заян почувствовал, что он обязан выполнить обещание, данное им в детстве. В последнее время по ночам ему всё чаще снилась ласточка. Ласточка стремительно летала вокруг гнезда, то вверх, то вниз. Казалось, что она пытается защитить от кого-то своих птенцов... Однажды, когда в гости пришел брат, Заян сказал ему:

– Отхон, нам надо поехать к нашим старикам!

– Я сам хотел тебе это сказать, – ответил брат.

– Возьмем наших детей, Ердена и Карлыгаш, и через четыре дня будем на месте...

